

Аленькина Татьяна Борисовна

**ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА АНГЛИЙСКИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ РАННИХ (1882-1888)
РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА**

В статье рассмотрены первые попытки английских переводчиков в интерпретации произведений А. П. Чехова. На материале ранних рассказов А. П. Чехова ("Тиф", "Дома", "Злой мальчик", "Хамелеон") показаны характерные для эпохи и уникальные для каждого переводчика черты англоязычной манеры письма. Отмечается непоследовательность переводческой стратегии, однако налицо стремление переводчиков показать особенности идиостиля русского писателя, в частности динамику речи героев, насыщенной разговорно-просторечной и экспрессивной лексикой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 1. С. 11-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 8.821.161.1

В статье рассмотрены первые попытки английских переводчиков в интерпретации произведений А. П. Чехова. На материале ранних рассказов А. П. Чехова («Тиф», «Дома», «Злой мальчик», «Хамелеон») показаны характерные для эпохи и уникальные для каждого переводчика черты англоязычной манеры письма. Отмечается непоследовательность переводческой стратегии, однако налицо стремление переводчиков показать особенности идиостиля русского писателя, в частности динамику речи героев, насыщенной разговорно-просторечной и экспрессивной лексикой.

Ключевые слова и фразы: ранние рассказы А. П. Чехова; коммерческая пресса; перевод; реалии; компенсация; буквальный перевод.

Аленькина Татьяна Борисовна, к. филол. н.

Московский физико-технический институт (государственный университет)

tba2104@gmail.com

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА АНГЛИЙСКИМИ ПЕРЕВОДЧИКАМИ РАННИХ (1882-1888) РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА

Широко известна любовь британцев к драматургии Чехова, названного ими «русским Шекспиром». Давно и плодотворно развивается в английской новеллистике традиция чеховского рассказа, чаще именуемая школой чеховского письма. Мы, со своей стороны, обращаемся к деятельности тех, чья переводческая проницательность и художественное чутье открыли Англии ранее неизвестного русского писателя.

Англичане не были пионерами в деле перевода Чехова на иностранные языки. Так, рассказы А. П. Чехова начали переводить на славянские языки в 1882 году, на немецкий – в 1883 году. Первый рассказ Чехова на английском увидел свет в Соединенных Штатах Америки в 1891 году в журнале “Short Stories: A Magazine of Fact and Fancy” в переводе И. Хэпгуд (1850-1928). Это был рассказ «Дома» (1887), который в переводе звучал как “Philosophy «At Home»” (1891). А в английской печати анонимный перевод рассказа «Пересоллил» (1885) – “The Bitter Bit” появился в 1897 году, причем лондонский журнал “Temple Bar” напечатал его без имени переводчика.

На рубеже XIX-XX веков в авторитетном издании – «Универсальной антологии лучших образцов литературы, древней, средневековой и современной: в 33 томах» появился рассказ А. П. Чехова «Тиф» (1887) (в переводе анонима “The Sister” (1899)). Рассказ А. П. Чехова – единственный, где не указан переводчик¹. Думается, что переводчиком этого рассказа была женщина. Только женщина могла заинтересоваться рассказом, где главная тема – любовь и самоотверженная преданность сестры брату.

Вслед за Чеховым переводчик старается передать состояние, чувства и мысли тяжелобольного поручика Климова. В поезде состояние Климова можно оценить как «тяжелое»: «тяжелый туман» – “his brain was befogged”, «тяжелая голова» – “heavy head”, «тяжелые сапоги» – “heavy boots”, «тяжелая, кошмарная лень» – “a nightmarish heaviness” [10, p. 400].

«Невыносимый кошмар грозящих образов» переводчик объединяет в один абзац вместо чеховских пяти, стремясь показать, что запахи жареного мяса, вид красивой здоровой дамы с прекрасными зубами, звук от трубки чухонца – все это «невыносимо» раздражает Климова.

Какая-то красивая дама громко беседовала с военным в красной фуражке и, улыбаясь, показывала великолепные белые зубы; и улыбка, и зубы, и сама дама произвели на Климова такое же отвратительное впечатление, как окорок и жареные котлеты [3, т. 6, с. 131-132].	<i>A good-looking lady was speaking in a loud voice to a military man in a red cap, and as she smiled she revealed beautiful white teeth. The smile, the teeth, and the lady herself impressed Klimov as badly as the beef and the grilled chops</i> [10, p. 399].
---	--

Из металлических голосов в вагоне поезда на грани вымысла и реальности Климову запомнился чухонец, сидевший рядом. Переводчик улавливает индивидуально окрашенную речь чухонца, который постоянно восклицает: «Га!» и говорит одно и то же, нещадно коверкая русские слова. Переводчик сохраняет стандартную английскую речь, компенсируя погрешности речи чухонца комментарием “in broken Russian”:

¹ Пользуясь случаем, хочется выразить благодарность библиографу по славянским литературам Чикагского университета Джун П. Фаррис за помощь в верификации сведений о переводах и переводчиках.

Против него сидел пожилой человек с бритой шкиперской физиономией, по всем видимостям, зажиточный чухонец или швед, всю дорогу сосавший трубку и говоривший на одну и ту же тему. – Га, вы офицер! У меня тоже брат офицер, но только моряк... Он моряк и служит в Кронштадт [3, т. 6, с. 131-132].	<i>He was in a smoking carriage, and facing him sat a middle-aged man with a clean-shaven face, who looked like a skipper, and was evidently a well-to-do Finn or Swede, who kept sucking his pipe and repeating in broken Russian, – “Ah, you are an officer! My brother is an officer too, but he is in the navy. He is at Kronstadt” [10, p. 398].</i>
--	---

Звукопись, характерная для А. Чехова, воспроизводится переводчиком: так, искажение слов доктора, встревоженного опасным состоянием больного, переданы чередованием фонем [th] – [s]:

– Дэ, дэ, дэ, – сыпал он. – Тэк, тэк... Отлично, юноша... Не надо унывать [3, т. 6, с. 131-132]!	<i>“Yes, yes, yes”, he talked on. “That’s it, that’s it. It’s all perfect, young man. One must not lose heart!” [10, p. 401].</i>
--	---

Только один неясный образ, точнее «тень», не раздражает Климова – это сестра. Неслучайно переводчик выпускает чеховское упоминание тетки, полностью концентрируя внимание читателя на образе сестры:

Ночью раз за разом бесшумно входили и выходили две тени. То были тетка и сестра. Тень сестры становилась на колени и молилась: она кланялась образу, кланялась на стене и ее серая тень, так что богу молились две тени [3, т. 6, с. 134].	<i>At night two shadows came in and out. The shadow of his sister kneeled and prayed; she bowed before the sacred images, and her gray shadow on the wall also bowed, so that two shadows prayed to God [10, p. 402].</i>
---	---

Еще одно слово, используемое переводчиком вслед за А. П. Чеховым, – «ангел» (“angel”), его упоминает тетка, говоря о смерти Кати, сестры Климова.

– Ах, Катя, Катя! Нет нашего ангела! Нет [3, т. 6, с. 135]!	<i>“Ah, Katia, Katia! Our angel is no more! No!” [10, p. 403].</i>
---	--

Буднично-равнодушно звучит вопрос Климова в переводе:

– Где же она? Тетя [3, т. 6, с. 135]!	<i>“But where is she, auntie?” [10, p. 403].</i>
---------------------------------------	--

Хочется согласиться с правом переводчика на изменение названия чеховского рассказа. По его мнению, это не история тяжелой болезни и счастливого выздоровления Климова, а рассказ о жертвенной и бесстрашной любви сестры. И не нужно объяснять читателю смысл этого символического слова-понятия – сестра.

Спустя четыре года после публикации чеховского рассказа в издательстве *Duckworth & Co* выходит первый прижизненный сборник рассказов Чехова на английском языке “*The Black Monk and Other Stories*”. Редактором сборника и переводчиком всех 12 рассказов явился Р. Лонг.

Примечательна сама личность переводчика. Р. Э. К. Лонг (1872-1938) – англо-ирландский журналист и писатель. В 1888 году он поселился в Лондоне, где случай свел его с известным писателем Джеромом К. Джеромом, который посоветовал ему заняться журналистикой. С 1897 года Р. Лонг работает у У. Т. Стэда (W. T. Stead), основателя журнала “*Review of Reviews*”, редактора «Русской библиотеки» и ценителя русской литературы. Так, в 1898 году Р. Лонг посещает Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, после чего начинает настойчиво изучать русский язык. В 1898 году Р. Лонг пишет письмо А. Чехову с просьбой разрешить перевести наиболее значительные, по его мнению, рассказы русского писателя («Палата № 6», «Мужики», «В ссылке»), так как «уверен, что они вызвали бы большой интерес у английского читателя» [1, с. 105]. Он сообщает, что «не пишет по-русски, но говорит и читает бегло» [Там же].

Неизвестно, ответил ли Чехов на письмо Лонга. Однако сам Лонг не теряет своего интереса к Чехову и в 1902 году в номерах журнала “*Fortnightly review*” за июль-декабрь 1902 года публикует свое эссе “*Anton Chekhov*”. Называя рассказы Чехова «веселыми маленькими трагикомедиями для юмористической печати», Р. Лонг пишет, что «в серой и однообразной жизни героев и героинь Чехова нет стремления, нет высоких чувств – ни долгоиграющей страсти, ни кипящей злобы, одна бесконечная борьба мелких людей против мелочного существования. <...> От рассказов остается впечатление, что жизнь – кошмарный сон, спускающий нас в пустую бездну, что люди, все и каждый, смешны и нелепы в глазах друг друга и достойны презрения в своих собственных, что все они – слуги судьбы, а не хозяева, и что гений, смелость и добродетель непременно потерпят крах в мире, где для них нет места» (*здесь и далее перевод автора статьи – Т. А.*) [5, р. 63].

В предисловии к упомянутому нами сборнику рассказов Р. Лонг дает уже литературоведческий анализ манере письма Чехова: «По своей манере письма Чехов истинно русский, но как художник он истинно человек Запада, который обладает лишь одной чертой, роднящей его с русскими писателями... неимением чувства связности текста, отсутствие которого может быть искуплено лишь гениальностью. Но в отличие от русских писателей Чехов более объективен, менее расплывчат, менее вдохновляющий других и менее человечный» [11, р. VII]. Существенна оговорка Р. Лонга, что он включил в сборник не лучшие, а именно те рассказы, которые могут быть легче поняты англоязычным читателем.

Итак, рассказ «Дом» (1887) – “*At Home*” (1903). Фабула рассказа проста и сложна одновременно. По словам гурбантки, семилетний Сережа пробует курить. Отец в отчаянии, ибо он не находит необходимых слов

и воспитательных мер, чтобы покончить с этой развивающейся в сыне привычкой. Его отчаяние тем более искренно, что совсем недавно он овдовел, а ребенок потерял мать. Эта борьба за сына приобретает все более тяжелый, болезненный характер. Вслед за А. П. Чеховым переводчик стремится показать эту борьбу. Но если у А. П. Чехова борьба передана внутренними монологами Быковского, где в разговоре с гувернанткой он один, с сыном – другой, а с самим собой – третий, то Р. Лонг переносит внутреннюю речь прокурора во внешнюю форму диалога, заменяя русский глагол «думать» на “ask” и насыщая речь прокурора риторическими вопросами.

«Что я ему скажу? – думал Евгений Петрович. – Он меня не слушает. Очевидно, он не считает важными ни своих проступков, ни моих доводов. Как втолковать ему?» [3, т. 6, с. 101].	“ <i>What shall I say to him?</i> ” – <i>asked the Procuror</i> . “ <i>He is not listening. Apparently he thinks there is nothing serious either in his faults or in my arguments. How can I explain it to him?</i> ” [11, p. 99-100].
«Вот тут и пори его... – думал он. – Вот тут и изволь измышлять наказания! Нет, куда уж нам в воспитатели лезть. Прежде люди просты были, меньше думали, потому и вопросы решали храбро. А мы думаем слишком много, логика нас заела...» [3, т. 6, с. 104].	“ <i>What is the good of thrashing him?</i> ” <i>he asked</i> . “ <i>Punishment is... and why turn myself into a schoolmaster? ...Formerly men were simple; they thought less, and solved problems bravely. Now, we think too much; logic has eaten us up</i> ” [11, p. 103-104].

Еще более сложной задачей, по нашему мнению, является передать несобственно-прямую речь семилетнего Сережи, особенно остро переживающего смерть матери:

Смерть уносит на тот свет матерей и дядей, а их дети и скрипки остаются на земле. Покойники живут на небе где-то около звезд и глядят оттуда на землю. Выносят ли они разлуку [3, т. 6, с. 101]?	<i>Death is a thing which carries away mothers and uncles and leaves on the earth only children and fiddles. Dead people live in the sky somewhere near the stars, and thence look down upon the earth. How do they bear the separation</i> [11, p. 99]?
--	--

Очевидно, что Р. Лонг не может передать наивные детские размышления и вместо этого вводит наречие “thence”, придающее торжественность речи ребенка.

Нельзя не заметить стилистическое несоответствие в переводе слова «братец»: нередкое для снисходительно-иронической интонации взрослого в общении с ребенком «братец» звучит простым и в то же время искусственным и непонятным словом «брат» (“brother”):

– Так и знай, братец: я тебя не люблю, и ты мне не сын... Да [3, т. 6, с. 99].	“... <i>Understand that, brother; I do not love you, and you are not my son... No!</i> ” [11, p. 96].
– Дворец же, братец ты мой [3, т. 6, с. 104]...	“ <i>The palace... brother mine...</i> ” [11, p. 105].
– Так-то, братец [3, т. 6, с. 105]...	“ <i>So it was, brother</i> ” [11, p. 106].

Переводчик поддерживает гуманистическую идею А. П. Чехова, выраженную в немудреной сказке о смерти царского сына и скорби несчастного отца. Именно эта сказка неожиданно для Быковского оказалась доступнее и понятнее Сереже, нежели его многочисленные замечания и нотации. (Характерная для поэтики Чехова «случайная» деталь: Быковский прокурор!)

В заключение разговора о Р. Лонге скажем, что спустя пять лет после выхода в свет первого сборника рассказов А. П. Чехова был выпущен второй, *The Kiss and Other Stories*, для которого он выбрал 15 рассказов из почти трехсот. По словам Р. Лонга, он сделал это, чтобы «перекинуть мостик в международных литературных связях, тем более важный, ибо слава Чехова как писателя и драматурга молниеносно растет как на его родине, так и в Западной Европе» [12, p. 6].

Серьезным стимулом в распространении интереса к рассказам А. П. Чехова среди англичан оказалась деятельность так называемых блумсберийцев – Л. и В. Вулф, Д. Маккарти, Р. Фрая и других, к которым принадлежал и переводчик С. Котелянский.

Самуил С. Котелянский (1880-1955) – политэмигрант из России, появился в 1911 году в Лондоне, где сблизился с представителями интеллектуальной группы блумсберийцев, в частности с Дж. М. Марри. В 1915 году С. Котелянский совместно с Дж. М. Марри выпустил сборник рассказов А. П. Чехова “*The Bet and Other Stories*”, а в 1917 году С. Котелянский (на этот раз вместе с Г. Кэннемом) издали второй сборник рассказов “*The House with the Mezzanine and Other Stories*”. Кроме того, С. Котелянский остался в истории литературы в качестве переводчика совместно с Леонардом Вулфом «Записных книжек А. П. Чехова» (“*Note-book of Anton Chekhov*”), опубликованных в 1921 году.

Итак, «Злой мальчик» (1883) – “*That Wretched Boy*” (1915). Летняя идилия с объяснением в любви в начале и обязательным предложением руки в конце лета. Случается, правда, досадное недоразумение: гимназист Коля, брат Анны Семеновны, застаёт влюбленных целующимися и грозит рассказать об этом родителям. Более того, он приступает к шантажу, требуя от влюбленных то мячик, то краски, то запонки с собачьими мордочками. История, как мы видим, смешная. Однако в процессе нее вырисовываются характеры персонажей.

«Молодой человек приятной наружности» с ласковой фамилией Лапкин оказывается совсем не ласковым и вовсе не приятным. Главным приемом А. П. Чехова в изображении фигуры Лапкина является речевая характеристика. Речь Лапкина в сцене любовного объяснения многословна, сентиментальна, наполнена эмоциональной лексикой – и одновременно краткими инструкциями по успешной ловле рыбы. Естественно,

что прием речевой характеристики героя использовал и переводчик, хотя и с оговорками. Так, речь Лапкина носит более прагматичный характер, который достигается за счет уменьшения объема словесных высказываний и сокращения числа повторов.

<p>– Я рад, что мы, наконец, одни, – начал Лапкин, оглядываясь. – Я должен сказать вам многое, Анна Семеновна... Очень многое... Когда я увидел вас в первый раз... У вас клюет... Я понял тогда, для чего я живу, понял, где мой кумир, которому я должен посвятить свою честную, трудовую жизнь... Это, должно быть, большая клюет... Увидя вас, я полюбил впервые, полюбил страстно! Подождите дергать... пусть лучше клюнет... Скажите мне, моя дорогая, заклинаю вас, могу ли я рассчитывать – не на взаимность, нет! – этого я не стою, я не смею даже помыслить об этом, – могу ли я рассчитывать на... Тащите [3, т. 2, с. 179-180]!</p>	<p><i>“I am glad that we are left alone at last,” said Lapkin, looking around. “I’ve got a lot to tell you, Anna – tremendous... when I saw you for the first time... you’ve got a nibble... I understood then – why I am alive. I knew where my idol was, to whom I can devote my honest, hard-working life... It must be a big one... it is biting... When I saw you – for the first time in my life I fell in love – fell in love passionately! Don’t pull. Let it go on biting... Tell me, darling, tell me – will you let me hope? No! I’m not worth it. I dare not even think of it – may I hope for... Pull!” [13, p. 169-170].</i></p>
--	--

Речь героя раскрывает его характер все определеннее: так, еле сдерживаемая злоба Лапкина готова вылиться наружу (что и будет показано в финале чеховского рассказа). В переводе С. Котелянского Лапкин откровенно груб и агрессивен до неприличия. Об этом свидетельствует и выбор эмотива “beast”, и ритмичское оформление эмотива, и использование синонима (“full fledged scoundrel”).

<p>– Подлец! – скрежетал зубами Лапкин. – Как мал, и какой уже большой подлец! Что из него дальше будет [3, т. 2, с. 180]?</p>	<p><i>“Beast!” Lapkin gnashed his teeth. “So young and yet such a full fledged scoundrel. What on earth will become of him later!” [13, p. 171].</i></p>
--	--

С. Котелянский не сумел до конца понять сущность чеховского письма и тонкость его подтекста. Это выражает прилагательное “wretched” в названии рассказа, подчеркивающее подлость и низость мальчика. (Слово “wretched” во втором значении “base, despicable, low, mean, scurvy, vile” [8, p. 864].)

В приведенных нами примерах текстов рассказов были сделаны первые, пока робкие шаги по пути узнавания и становления Чехова в англоязычном мире. Монументальный труд по переводу большого числа произведений Чехова взяла на себя Констанс Гарнетт – самый известный, пожалуй, переводчик русской классики на английский язык. Констанс Гарнетт (урожденная Блэк) (1861-1946) перевела 201 рассказ, все многоактные пьесы (за исключением «Безотцовщины» и «Лешего»), этюды, «сцены» и «шутки» в одном действии и значительную часть его переписки. К. Блэк родилась в культурной семье: ее дед по материнской линии Джордж Пэттен был художником-портретистом, сестра Клементина Блэк – активным профсоюзным деятелем и романистом, а дед по линии отца – шотландский морской капитан – работал над проектом корабля «Николай I», был принят при царском дворе и остался в России навсегда.

Констанс получила стипендию Кембриджского университета и высшую степень по античной филологии (1883). В 1889 году она стала женой Эдварда Гарнетта, вошла в круг ценителей слова (отец мужа Ричард Гарнетт был хранителем Отдела книги Британского музея), а позднее стала хозяйкой известного в Лондоне литературного салона.

Свою переводческую деятельность К. Гарнетт начинает с перевода «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова (перевод вышел в редакции С. Степняка-Кравчинского в 1894 году), но уже следующие переводы К. Гарнетт делает самостоятельно.

В 1916 году Фрэнк Суиннертон убеждает Эдварда Гарнетта издать два пробных тома переводов рассказов Чехова в издательстве “Chatto & Windus”. В 1916 году одновременно в Англии и в США выходят два тома рассказов А. Чехова в переводе К. Гарнетт и расходятся с молниеносной быстротой. К. Гарнетт подписывает контракт с издательством. В общей сложности в период с 1916 по 1922 год выходят тринадцать томов рассказов А. Чехова в переводе К. Гарнетт. Интересно, что для перевода К. Гарнетт выбирает рассказы не только зрелого Чехова, состоявшегося художника, но и 147 рассказов раннего творчества [4].

Таков, к примеру, знаменитый рассказ «Хамелеон» (1884) – “A Chameleon”. Действие, живое и динамичное, происходит «здесь» (на базарной площади) и «сейчас», в настоящем сиюминутном времени. Так, в первом предложении полицейский надзиратель Очумелов «идет через базарную площадь» (К. Гарнетт употребляет форму настоящего продолженного времени – “Otchumelov is going”), а в конце рассказа Очумелов «продолжает свой путь» (в переводе “goes on his way”).

Событие (если можно назвать событием обсуждение толпой мужиков, кому принадлежит потерявшийся щенок) малозначительно, однако в нем участвуют все персонажи: Хрюкин, Очумелов, Елдырин, повар Прохор и голос из толпы. Каждый высказывает мнение в своей индивидуальной речевой манере и со свойственной именно ему интонацией, не всегда, к сожалению, улавливаемой переводчиком.

Но зато с какой добросовестностью передала К. Гарнетт композиционную ритмичность этой многоголосной дискуссии, разделяемой начальственными репликами Очумелова: “I won’t let this pass!” [9, p. 211]; “A dog is a delicate animal” [Ibidem, p. 212].

Понятно, что перед К. Гарнетт стояла трудная переводческая задача: передать многоголосие толпы в его единстве и одновременно разнообразии. Хочется показать это на конкретных примерах.

– Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а она, не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие [3, т. 3, с. 53]!	<i>"He put a cigarette in her face, your honour, for a joke, and she had the sense to snap at him... He is a nonsensical fellow, your honour!"</i> [9, p. 211].
– Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать [3, т. 3, с. 53]!	<i>"When he is fined, the blackguard, I'll teach him what it means to keep dogs and such stray cattle! I'll give him a lesson!"</i> [9, p. 213].
– Это не наша, это генералова брата, что намердись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч [3, т. 3, с. 54]...	<i>"It's not our dog", Prohor goes on. "It belongs to the General's brother, who arrived the other day. Our master doesn't care for hounds. But his honour is fond of them..."</i> [9, p. 213].

К. Гарнетт находит эквивалентный перевод эмотиву «мерзавец» – “blackguard”, описательный перевод идиоматическому выражению «покажу кузькину мать!» – “I’ll give him a lesson!”, с нескрываемым комизмом обыгрывает контраст «не дуры» собаки и глупого Хрюкина при помощи использования однокоренных слов “sense” – “nonsensical”; при этом грубо-просторечное слово «харя» превращается в лицо (“face”), и собака становится женского рода – “she”. Так, собака становится более симпатична и мужикам, и, добавим, читателям.

Остроумно название, данное переводчиком рассказу, – “A Chameleon”. Неопределенный артикль указывает, что это – один из многих хамелеонов, или хамелеон, каких много. Комментарии, как говорится, излишни.

В своем небольшом исследовании мы стремились оценить вклад английских деятелей культуры, чьи переводческая чуткость и писательский дар впервые представили англоязычному читателю ранние рассказы А. П. Чехова. Хочется отметить, что все переводчики (или те, кто выступает в этой роли) различны по возрасту, образованию, но едины не только в своей профессиональной добросовестности, но и утверждении активного интереса к творчеству русского писателя. Так, если подвиг любви («Тиф») – самоотверженной, не рассуждающей, не думающей о личной опасности, – показан переводчиком через замену нейтрального названия на символическое и многозначное слово «Сестра» (“The Sister”), то любовь героя к своему осиротевшему сыну («Дома») другая – тревожная, беспокойная, обличающая себя как негодного воспитателя. Эту интонацию тревоги за сына и недовольства героя собой Р. Лонг усиливает в своем переводе путем излишне частого, на наш взгляд, использования риторических восклицаний и вопросов.

Проникновение в сущность чеховской манеры письма, которая впоследствии будет именоваться в европейском литературоведении как чеховский подтекст, обнаружил С. Котелянский, переводчик внешне незатейливой миниатюры «Злой мальчик». «Молодой человек приятной наружности» с ласковой фамилией Лапкин (Larkin) на поверку оказывается злым, жестоким и грубым человеком, так что английский читатель не мог не понять, что злой мальчик – это не гимназист Коля, а вежливый и аккуратный Лапкин.

А вот рассказ «Хамелеон» лишен подтекста: все здесь выпукло, ярко, образно. Переводческая энергия К. Гарнетт была направлена на воспроизведение шумной, многоязыкой толпы, принимающей активное участие в обсуждении принадлежности злосчастного щенка. К чести для К. Гарнетт, она приложила немалые усилия для перевода грубых, разговорных выражений, экспрессивов, речевых искажений, которыми грешат представители этой народной толпы.

В заключение хотелось бы присоединиться к мнению, высказанному современными английскими переводчиками с русского языка Х. Питчером и П. Майльсом: «Чем короче рассказ, тем он сложнее и занимает больше времени для работы над ним» [6, p. 2].

Список источников

1. **Алексеев Н. А.** Письма к Чехову его переводчиков // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 2. С. 98-112.
2. **Кочба И. Р.** Антономасия в раннем творчестве А. П. Чехова // Языковое мастерство А. П. Чехова / отв. ред. Л. В. Баскакова. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1990. С. 5-11.
3. **Чехов А. П.** Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1983-1988. Т. 2. 584 с.; Т. 3. 624 с.; Т. 6. 736 с.
4. **Шерешевская М. А.** Переводы // Литературное наследство: в 105-ти т. М.: Наука, 1997. Т. 100. Чехов и мировая литература. Кн. 1. С. 369-405.
5. **Anton Chekhov: The Critical Heritage** / ed. by V. Emelianow. L.: Routledge & Kegan Paul, 1981. 471 p.
6. **Harvey P., Miles P.** Translating Chekhov's Early Stories // The North American Chekhov Society Bulletin. Spring, 2000. Vol. IX. № 1. P. 1-3.
7. **McVay G.** Anton Chekhov. The Unbelieving Believer // Slavic and East European Review. January, 2002. Vol. 80. № 1. P. 63-104.
8. **Merriam-Webster's Collegiate Thesaurus.** Springfield: Merriam Webster, 1993. 868 p.
9. **Tchehov A.** A Chameleon // The Cook's Wedding and Other Stories / translated by C. Garnett. L.: Chatto and Windus, 1922. Vol. XII. P. 207-215.
10. **Tchechov A.** The Sister. Translated for this work, from the Russian // The Universal Anthology. A collection of the Best Literature, Ancient, Medieval and Modern, with Biographical and Explanatory Notes / ed. by R. Garnett. N. Y.: The Croler Society, 1899. Vol. 31. P. 398-404.
11. **Tchekhoff A.** The Black Monk and Other Stories / translated from the Russian by R. E. C. Long. N. Y.: Frederick A. Stokes Company, 1915. IX+302 p.
12. **Tchekhoff A.** The Kiss and Other Stories / translated from the Russian by R. E. C. Long. L.: Duckworth & Co, 1908. 317 p.
13. **Tchekhov A.** The Bet and Other Tales / translated by S. Koteliensky and J. M. Murry. Boston: John W. Luce and Co, 1915. 243 p.
14. **The Chekhov Omnibus:** Selected Stories / translated by C. Garnett; Rev. with add. material, introd. and notes by D. Rayfield. L. – Vermont: Dent; Tuttle, 1994. XXIII+614 p.

**THE PERCEPTION AND ASSESSMENT OF A. P. CHEKHOV'S EARLY
SHORT STORIES (1882-1888) BY ENGLISH TRANSLATORS**

Alen'kina Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology
Moscow Institute of Physics and Technology (State University)
tba2104@gmail.com

The article deals with the first attempts of English translators in interpretation of A. P. Chekhov's works. Based on the material of A. P. Chekhov's early short stories ("The Sister", "At Home", "That Wretched Boy", "A Chameleon"), the features of the English-speaking manner of writing typical for the epoch and unique for each translator are shown. The author points out the inconsistency of the translation strategy, however the striving of translators to show the peculiarities of the individual style of the Russian writer, especially the dynamics of the characters' speech, which is rich in colloquial and expressive vocabulary, can be observed.

Key words and phrases: A. P. Chekhov's early short stories; business press; translation; realia; compensation; literal translation.

УДК 8

Статья посвящена исследованию произведения «Сиасет-намэ» Низам аль-Мулька – дипломата, везира, сыгравшего важную роль в расширении и укреплении государства Сельджукидов в XI веке. Это произведение, содержащее обширный исторический и лингвокультурологический материал, является одним из ценных источников для изучения истории государственного управления династии Сельджукидов XI века, экономического положения страны, могущества армии, а также культуры. В статье проводится сравнение произведения «Сиасет-намэ» с дастанами, написанными до и после него. На основе сравнительного анализа «Кабус-намэ» и «Сиасет-намэ» выявляются и разъясняются сходства и различия, отраженные в соответствующих таблицах. В статье также делаются исторические экскурсы; дается обзор научных концепций и взглядов различных ученых на рассматриваемую проблему. Исследование, проведенное нами на основе конкретных исторических фактов, подтверждает гипотезу о том, что в качестве источника для своего произведения Низам аль-Мульк использовал «Кабус-намэ».

Ключевые слова и фразы: династия Сельджукидов; дастан; воскрешение Маздака; восточные и западные учёные; интересные суждения; сравнительный анализ; сторонники нового верования; движение маздакидов; «Сиасет-намэ»; Низам аль-Мульк.

Алиева Сакина АлиАга кызы
Бакинский государственный университет
siniguricka@mail.ru

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ НИЗАМ АЛЬ-МУЛЬКА «СИАСЕТ-НАМЭ»
В КОНТЕКСТЕ ПЕРСИДСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ 1960-1990-Х ГГ.**

Абу Али аль-Хасан ибн Али ибн Исхак ат-Туси, более известный под титулом Хаджа Низам аль-Мулька («Порядок Царства») (1018 или 1019/1020, в деревне Радкан близ города Туса, в Хорасане – 14 октября 1092, в селении Сахна близ Нехавенда) – персидский государственный деятель на службе у сельджукских султанов, один из выдающихся деятелей средневекового мусульманского Востока, сыграл очень важную роль в существовании, расширении и укреплении великой империи Сельджукидов как государства. Его произведение «Сиасет-намэ», или «Сийар ал-мулук», т.е. «Царские добродетели», переходя из поколения в поколение, сохранилось и дошло до нашего времени. Это произведение является одним из ценных источников для изучения истории государственного управления династии Сельджукидов XI века, экономического положения страны, могущества армии, а также культуры.

Из содержания «Сиасет-намэ» выясняется, что один из сельджукских правителей Абу-л-Фатх Малик шах бин Алп Арслан рекомендовал мудрецам и ученым своего времени, молодым принцам будущего написать и представить фундаментальную книгу об управлении государством. Многие мастера пера представили правителю свои сочинения, но одобрение получили лишь идеи Низам аль-Мулька.

Произведение Низам аль-Мулька «Сиасет-намэ» было написано примерно в 484 году по лунному календарю (1091). Как восточные, так и западные ученые провели ряд ценных изысканий, связанных не только с «Сиасет-намэ», но и с жизнью ее автора, его ролью в государственном строительстве, а также заслугами в области развития науки и культуры.

Персидский учёный, доктор Парвиз Нател Ханлари в журнале «Сохан» «سخن» («Слово» – С. А.) отметил, что произведение Низам аль-Мулька «Сиасет-намэ» было написано примерно в 1091 году. По его мнению, эта полученная на сегодняшний день самая древняя рукопись была создана в 1273 году. Между датой написания и переписывания «Сиасет-намэ» прошло около двух веков. За это время персидский язык, несомненно, получил развитие и подвергся определенным изменениям. В результате этого процесса писарь, переписывавший «Сиасет-намэ», учитывая язык своего времени, допустил определенные изменения в тексте. Для того